„ЗНАМЯ"
г. Калуга
23 АПР 1964

5

Н. ОХЛОПКОВ,
народный артист СССР

БЕССМЕРТИЕ ШЕКСПИРА

В течение веков на сценах театров всего мира идут трагедии и комедии Шекспира. Талантливейшие актеры и режиссёры воссоздают его бессмертные образы. Глубочайшие умы философов изучают и анализируют его творчество. И до сих пор не исчерпаны глубины шекспировского театра и не угасло стремление постигать его безграничное богатство, и никто не сказал еще ни разу: «Вот тут — весь Шекспир, в этой постановке открыта вся бездонная глубина его идей».

Шекспир поистине необъятен.

«Каждая его драма есть мир в миниатюре», — сказал о нем Белинский.

«Он воспроизвел волшебный, совершенный мир: землю со всеми ее цветами, море со всеми его бурями, свет солнца, луны, звезд; огонь со всеми его ужасами и воздух со всеми его духами, а между ними — людей. Людей со всеми их страстями, людей великолепных и одновременно совершенно живых», — сказал о Шекспире режиссер Макс Рейнгардт.

Я думаю о перекличке между этими высказываниями, принадлежащими людям совершенно различных эпох и взглядов: Шекспир представляется им в образе бесконечного мира.

В творениях Шекспира — его современность и будущее. В них — открытие нравственных, общественных, моральных, социальных, философских закономерностей жизни. В них — весь Человек. И еще одно огромное открытие принадлежит Шекспиру — открытие закономерностей драматического образа, ибо он с силою, еще непонятой нами, соединял воедино конкретность человеческих чувств с невероятно широким поэтическим обобщением. Его образы — это и правда, и вымысел. Реальность, почти грубая, — и какой-то вихрь одухотворяющей мысли, фантазии и фантастики.

С необычайной остротой его сознание отражало век.

Страстное искание правды, социальных и политических перемен в стране — вот чем были полны лучшие умы Англии его времени. Вдумайтесь в шекспировские монологи, в его афоризмы, — вы услышите скрытый в них гнев, протест или горький сарказм художника-гражданина, понимающего причины глубочайшего трагизма человеческих судеб метания людей в мире зла. В мире узаконенного произвола, власти бесчеловечной, безнравственной. Хотите понять основные причины того, что породило неразрешимые шекспировские конфликты и коллизии, его типы и образы — прочтите у Маркса о «Рыжей Бесс», о ее правлении и об окружающей ее атмосфере.

Именно в такой атмосфере задыхался Гамлет, повторяя: «Мир — это тюрьма».

Театр Шекспира — это театр общественной трибуны, театр мыслей, чувств и стремлений, близких народу, понятых ему, выражающих жизнь народа. И толпы простого народа Англии часами простаивали в партере шекспировского театра «Глобус» или просто располагались на земле, потому что для простолюдинов не полагалось ни кресел, ни скамеек, и, затаив дыхание, следили за ходом его трагедий или комедий. Сам Вильям Шекспир был актером и драматургом своего театра. Он был такой же трудовой человек, как и те, к кому обращал свои произведения.

И в то же время его гений не ограничен социальными проблемами времени, он шире любых границ. Он всечеловечен. Его художественные создания — это философия, выраженная страстным, живым поэтическим образом. Пьесы Шекспира пережили свое время, обогнали его — и вот сегодня весь мир празднует бессмертие великого драматурга, ибо прошло 400 лет, а он все так же нужен людям.

Сколько бы мы ни открывали страницы его пьес — каждый раз как бы вновь поражает сила его воображения. Это — кипение, водоворот, страстей неистовство, подобие смерча... Вот — тишина, и вот Клавдий в «Гамлете», как черная кошка ночью, охорашивающаяся в темном зале. Вот — умоляющие вопли, громко торжествующие фанфары блестят, как молнии, сквозь бурю оркестровых инструментов, и под тревожные аккорды подземного мира духов выходят призраки... То нас мучают тысячью скорбей и страхов, то вдруг лучи прорезают тьму и поют и пляшут вокруг нас в образах и строках легких и светлых.

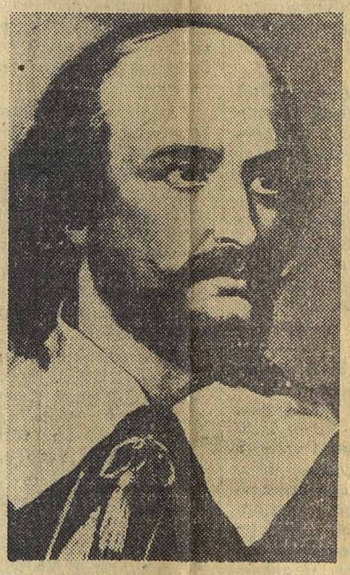
В трагедиях Шекспира повышенные ритмы. Высоковольтные. Здесь речь идет о крайней мере напряжений и испытаний. Радости, скорби, мучения как бы перерастают житейские бытовые представления о чувствах, переполняя меру обычного, повседневного. Для персонажа из бытовой натуралистической пьесы — человека «обыкновенных» чувств, обыкновенных средних эмоций, — все, что думает и что чувствует каждый из лиц шекспировской трагедии, недоступно.

Уловить затишья и разряды «электрического гения» Шекспира, чтобы передать накопление силы, растущей вместе с препятствиями, которые ее ожидают; угадать подводное, прорывающееся наверх течение плененной или угнетенной радости духа, исступленно жаждущей победы; поймать тончайшие внутренние перемены ритмов жизни героев... Проследить каждый выпад мысли — как выпад шпаги! Внести в спектакль удивительную сложность подтекстов, прочерчивание главных устремлений в их предельной напряженности... Все это необходимо, когда работаешь над Шекспиром. Когда я думаю об этом, мне как будто слышны ритмы «Героической» Бетховена с ее поразительными крещендо, паденьями и неожиданными взлетами музыкальной мысли. Однако воплощение симфоничности шекспировских трагедий, их музыкальности, вне которой не откроешь его мысли, не допускает никакой смазанной, густой эмоциональности, не терпит приблизительных решений.

Это потребует ювелирной работы над текстом, «сгущения мысли в слове». Надо, как выражался Тальма, «охотиться» за каждым стихом, за каждым полустишием, отыскивая в пьесе места, которые бы могли особенно глубоко, интересно и мощно раскрыть то, что составляет истинные глубины шекспировских идей. Отсюда тонкие психологические детали и нюансы, которые никак не противоречат искусству монументальных, больших образов.

Однако психология шекспировских характеров требует особого подхода, особых красок. Тут актеру надо думать о сплаве самой жизни, которой пользуется Шекспир как самой могущественной «краской». Подчас в одном шекспировском характере сидит, как говорил о себе Кола Брюньон, «двенадцать молодцов». Подчас другое — характер одной страсти, одержимый, охваченный неотступной идеей.

Тут нужна жизненная сила красок яркость, сочность, может быть даже избыточность земного, настоящего.. Надо по-



верить в материальность бытия этих людей, они из плоти и крови: показать героев с множеством человеческих подробностей и черт, избегая всякой ходульности и ложного пафоса. Но при этом следует помнить, что герои Шекспира — удивительные существа, создания поэтической мысли гения, в них — глубочайшая сложность. Об этом сочетании сказал Гете: «Люди, выведенные им на сцену, кажутся нам действительными людьми, хоть они все же не действительные люди. Эти таинственные и скрытые создания действуют перед нами в пьесах Шекспира, словно часы, у которых и циферблат и все внутреннее устройство сделаны из хрусталя: они по назначению своему указывают нам течение времени, и в то же время видны те колеса и пружины, которые заставляют их двигаться».

Чтобы воссоздать шекспировский образ, нужен план роли, как план строительства дворца. Надо искать выражения контрастной и сложной динамики роли, с ее резкими, неожиданными сменами ритмов и переходов от пиано к форте и обратно. Сначала важно добиться задушевности, интимности, нюансировки тонов. Искать внутренние переходы к волевому напору, к исступленной страстности. И, найдя их, не бояться яркости. Блеска молний!

Не быть в творчестве сухим, педантичным, холодным схоластом. Шекспировский театр естествен и свободен, он требует вдохновенного и вольного творчества. Шекспировская драматургия враждует с примитивизмом, с отсутствием одухотворенности в творчестве, с измельчанием задач искусства. Шекспир — глубоко жизненный и народный художник. И потому он равно любит истину и театральность, без страха апеллирует к фантазии зрителя, пользуется элементами народного театра и, оставаясь глубочайшим философом, далек от холодной умозрительности. Будьте внимательны к его творчеству. Здесь лежит новая театральность, здесь открыты все окна для зрительской фантазии, здесь острота важнейших событий, здесь многообразие характеров, здесь мужество, отводящее в сторону сентиментальность, здесь — живой мир.

Дух глубокого анализа и исследования — дух нашего времени, и необычайно счастлив может быть режиссер, ставя Шекспира. Ни один театр не может существовать без Шекспира — оттого по всем театрам нашей страны идут его пьесы, и не раз их как бы вновь открывала трактовка режиссера современности.

Помни, мой друг режиссер, когда ты берешь трагедию Шекспира, перед тобой не узкая «семейная драма» и не ходульная риторическая пьеса, а мировая драма, отражающая животрепещущие события дня, превращающая сцену в источник глубочайшей философской и общественной мысли.

Для этого нужно быть дирижером больших мыслей и огненных страстей.

«Искусство не допускает к себе отвлеченных философских, а тем менее рассудочных идей: оно допускает только идеи поэтические, а поэтическая идея — это не силлогизм, не догмат, не правило, это — живая страсть, это пафос...» — писал Белинский.

Драматургия и сцена нуждаются в этом пафосе, чтобы народная жизнь, чтобы деяния людей, их мечты и устремления достигли предельной силы отражения в образах искусства.

Вот почему так дорог, так близок великий английский драматург советскому театру, на знамени которого пламенеют слова: искусство принадлежит народу!

Общественность Калуги отмечает славную дату

В областном драматическом театре состоялся вечер, посвященный 400-летию со дня рождения Вильяма Шекспира. С докладом о творческом пути гениального драматурга выступил заведующий литературной частью театра, кандидат филологических наук А. С. Карпов.

Артисты театра показали отрывки из спектаклей «Антоний и Клеопатра», «Зимняя сказка». Заслуженный артист РСФСР Ф. М. Майский прочитал монолог Лира из пьесы «Король Лир».

Учащиеся музыкального училища выступили с концертной программой.